

ПРАСЛАВЯНСКИЕ НАЗВАНИЯ ДЕРЕВЬЕВ КАК ОТРАЖЕНИЕ ФРАГМЕНТА ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА СЛАВЯН

Е.М.Маркова

Москва, Россия

Summary: The article deals with typological signs making the foundation of the lexical nomination of tree names as a reflection of the main Slavonic views about the vegetable kingdom. Analysis of the inside forms of tree names is uncovering a fragment of the language picture of the world.

Восприятие человеком окружающего мира находит отражение в семантической мотивации наименований явлений действительности. Любое наименование, мотивированное другим языковым знаком, образуется семантическим путем – путем установления определенных отношений между фрагментом действительности, уже зафиксированным в номинативном арсенале языка, и новым, фиксируемым в языковом сознании фрагментом. В современных исследованиях лексическая семантика используется как средство восстановления «наивной» картины мира. В языковом сознании, как постулируется представителями когнитивного направления в лингвистике, существует не объективный мир, а мир субъективный, преломленный через призму языковых значений. В самом акте номинации реализуется установка носителей языка на выделение, актуализацию признаков, значимых для языкового сознания. Признак, составляющий основу наименования, выступает в качестве мотива и основания семантического переноса. Иногда этот признак является существенным, указывает на специфическую черту предмета. Но нередко избираемый признак не является самым важным. У разных народов при назывании одного и того же предмета могут возникать ассоциации с различными его свойствами. То, что при наименовании выделяется один признак из множества, объясняет значительные расхождения между языками в плане мотивировки семантически аналогичных слов.

Мотивировочные признаки всегда бросаются в глаза при сопоставлении языков, так как сопоставление особенностей мотивации одних и тех же названий в разных языках позволяет увидеть то, на что мы часто не обращаем внимания, – следы языкового творчества народов, специфику его мировидения и мировосприятия. К пониманию внутренней формы слова как творческой работы национального сознания подошел, как известно, А.А.Потебня, который указывал: «Внутренняя форма слова есть отношение содержания мысли к сознанию; она показывает, как представляется человеку его собственная мысль» [Потебня 1922: 83]. Ученый рассматривал внутреннюю форму не просто как мотивирующий элемент в слове, а как явление динамическое, то, что лежит в основе сходства нового и старого понятия, осуществляет их ассоциативную связь. Внутренняя форма

слова, таким образом, мотивируя наименование, выполняет функцию связующего звена не только между содержательной и формальной сторонами словесного знака, но и между семантикой мотивирующего слова и значением мотивируемого, выступая в качестве семантической основы номинации. Мотивировочный признак – это основа его концептуального осмысления. Являясь средоточием этимологической памяти слова, «меткой» первоначального концептуального осмысления его, хранителем изначального представления о нем, внутренняя форма вместе с тем служит и указателем дальнейшего семантического развития слова, «прокладывая пути будущих возможных смысловых ассоциаций» [Манакин 2004: 247], которые послужат основанием новых значений. В этом заключается континуальность словесного знака, в этом мы видим основание для рассмотрения мотивировочной основы слова в качестве исходной семантической модели. Взгляд на мотивировку слова как исходную семантическую модель, являющуюся ступенью последующих семантических трансформаций, показывает, что большинство подобных моделей носит метонимический характер, так как обусловлено смежностью, сближением предметов, лежащим в основе любой ассоциации.

Растительный мир, окружающий человека, велик и многообразен, в языке он находит отражение в виде отдельных тематических групп: названия трав, цветов, кустарников, деревьев, ягод, лекарственных растений и т.д. Обратившись к названиям деревьев, известным в славянских языках с праславянского периода, можно выявить основные представления о мире растений древнего человека. Через названия растений, так же как и животных, явлений окружающей среды, частей ландшафта, различных артефактов восстанавливаются концепты, существующие в сознании человека, и его взаимоотношения с окружающим миром, определяются основные черты «языкового видения» человеком окружающего его растительного мира. Информация о важности, полезности, необычных признаках и свойствах, значении их в жизни человека кодируется в этих названиях. Называя растение каким-либо именем, человек, как известно, переносит в него часть своего когнитивного опыта. В числе основных мотивов слов данной тематической группы можно назвать внешний вид растений (форма, размер, цвет, особенности строения, форма листьев и т.д.); характер стебля или ствола; место произрастания; оценочные признаки (положительная или отрицательная оценка, полезность/ вредоносность для человека) и др. В основу некоторых наименований положены эмоционально-экспрессивные признаки, служащие для выражения субъективного отношения говорящих к предметам номинации.

Одним из наиболее актуальных признаков в наименованиях растений является специфика внешней формы, общий вид растения, особенности стебля, ветвей, листьев, плодов, цветов. Эти признаки прежде всего обращают на себя внимание в растениях, поэтому чаще всего актуализируются в их наименованиях. Наличие употребляемых в пищу плодов может стать основанием номинации. Так, общеславянское *яблоня* (рус. устар. *яблонь*, чеш., словац. *jablň*, пол. *jabłoń* из праслав. **ablony*), получившее распространение в восточно- и западнославянских языках, имеет индоевропей-

ский характер: и.-е. **ablon-* обнаруживает семантику «яблочный, связанный с яблоками», откуда значение «яблоня» (ЭССЯ). Таким образом, яблоня названа по ее плодам – яблокам. Первоначально как «дерево со съедобными плодами» объясняется этимологами и название дерева *бук* (из праслав. **bukъ*, которое связывают с др.-инд *bhāj-* «есть, поедать»), известное во многих славянских языках (ЭССЯ).

В названиях растений могут отражаться характерные действия, совершаемые с ними человеком с целью дальнейшего их использования в своей жизни и деятельности. Так, общеславянское слово *дерево* является образованием от глагола *драть* (КЭСРЯ), так как издавна древесные растения *выдирали*, чтобы расчистить место для посевов (что отражает подсечную систему земледелия славян), или *сдирали* с них кору, чтобы использовать для строительства или других целей (ср. выражение *ободрать как липку*, основанное на том, что лыко от липы издавна использовалось в хозяйственной деятельности для плетения различных предметов в силу его гибкости).

Наличие шипов у растения – важный признак, который нередко актуализируется в их наименованиях. По этому признаку были образованы, например, такие исконно русские названия растений, как *шиповник*, *терновник* (ср. чеш. *trnka* «терн, терновник» от *trn* «колючка», пол. *tarń* «терн, терновник» и «колючка, шип», болг. *трънка*, словен. *trn* «шип, колючка», *trnje* «терновник» и др.), народные названия колючих растений: *иглица* (от *игла*), *щетинник* (от *щетина*) (Даль). Колючки, шипы на стеблях, напоминающие покрытие ежа, стали основой и названия ягодного кустарника *ежевика* в русском языке, а также и его эквивалентов в других славянских языках: чеш. *ostružina*, пол. *ostreża*, словен. *ostrôžnica*, с.-х. *ѡструга*, входящих к общеслав. **ostroga* от **ostrъ* «острый, с иглами» (СЭС), откуда и чеш. *osrtuha* (ср. рус. *острога* «палка с заостренным концом», *острог* – «часток из заостренных свай») (Даль).

Наличие острых иголок у хвойных деревьев также выступает как важный признак их наименований в славянских языках. Наличие у хвойных деревьев игол стало основой их наименований *игольчатые растения*, чеш. *jehličnan* (от *jehlice* «иголки»). По колючей хвое получила свое название *ель* (болг. *ела*, с.-х. *јѣла* «ель, пихта», чеш. *jedle* «пихта», пол. *jodla* «пихта», словац. *jedl'a* «ель, пихта» и др.). Слово является суффиксальным производным от общесл. **edl-* «острый, колючий». В некоторых славянских языках название можжевельника имеет ту же основу: укр. *яловець*, бел. *ядловец*, чеш. *jalovec*, пол. *jałowiec*. Русское диалектное имя можжевельника *еленец* дано ему по тому же признаку (ЛАРНГ). В южнославянских языках известно наименование сосны – *бор* (как и др.-рус. *бор* «сосна»), которое, возможно, связано с **bher-* «быть острым», что естественно для хвойного леса (ЭССЯ), и поэтому родственно *брить*, *борода*, *борода*. В таком случае первичное значение – «хвоя» (мотиватором послужил колючий характер хвоинок), затем – «хвойное дерево» и, наконец, «хвойный лес» (в этом значении распространено в русском и других славянских языках).

Другие тактильные ощущения человека, прежде всего, липкий характер коры дерева, его листьев и цветков стал основой наименования *липа* (известного всем славянским языкам), внутренняя форма которого «прозрачно» указывает на *липкость*, клейкость, медоносность как характерный признак этого дерева (тот же корень и в лит. *liepa* «липа», греч. *lipos* «жир») (КЭСРЯ). Общеславянское название плодового дерева *вишня* (чеш. *višeň*, словац. *višňa*, болг. *вишна*, словен. *višna* и т.д.) большинство ученых считает производным от той же основы, что и устар. нем. *Weichsel* «черешня», лат. *viscum* «птичий клей», этимологизируя его как «дерево с клейким соком» (КЭСРЯ).

Основой наименования нередко становится и необычная форма стебля. Особенно часто выделяется в номинируемом растении такой признак, как гибкий или вьющийся стебель. Глаголом *вить* мотивировано общеславянское название дерева *ива* (чеш. *jíva*, пол. *iwa*, болг. *ива* «вид горной вербы»), отражающее гибкий характер его ветвей. Ту же мотивировку имеет и название дерева с похожими признаками *верба* (недаром в белорусском языке названием ивы с ее разновидностями является *вярба*, как и в украинском ива чаще называется *біла верба*). Слово *верба* представляет собой суффиксальное производное от глагола *вертеть* в значении «гнуть, вить», что подчеркивает гибкий характер ее ветвей. Первичное значение – «ветвь» (аналогично лат. *verbena* «ветвь») (КЭСРЯ). Признак гибкости, вьющегося характера подчеркивается и в наименовании *лоза* (болг. *лоза*, с.-х. *лѡза*, диал. чеш. и словац. *loza*, пол. *loza* и др.), обозначающем «побег или ствол кустарникового растения, например винограда», которое ряд ученых связывают с глаголом *лезть/ лазить* (ЭСРЯ). В основе названия – ползущий характер побега или ствола. Этот же признак положен и в основу наименования *ветвь* (от *веть* «ветка», восходящего к глаголу *вить*) со значением «вьющаяся часть дерева».

Общеславянское наименование дерева *вяз* чаще всего объясняется как производное от глагола *вязать*, названное так по гибкости ствола (или по гибкости коры, из которой дерут лыко) (КЭСРЯ). Эту мотивировку находим и у В.И.Даля: *вяз* – «одно из самых гибких деревьев, из которого делают вязки, ободья, полозья» (Даль). Оно известно и в других славянских языках, хотя в праславянском не было единого и устойчивого названия для этого дерева: с.-х. *věz*, пол. *wiąz*, чеш. *vaz* (но чаще *jilm*), болг. *бряст*, укр. *берест* (ср. с рус. *береста*). В русском языке встречаются и другие названия растений, чаще древесных, с корнем *вяз-*: *вязник* «род ракитника», *вязовник* «яловая бузина», *вязель* «несколько растений, называемых горошком» (Даль).

Некоторые названия деревьев указывают на какие-то особенности ствола: его крепкую древесину, дуплистость и т.п. Общеславянское название *стебель* «надземная часть растения от корня до вершины, несущая на себе листья, цветы и плоды» имеет тот же корень, что и слово *ствол* (КЭСРЯ) и является родственным латыш. *stiba* «палка», греч. *stiphros* «крепкий». В русских говорах известна и более старая форма *стебло* (из **stbĭlo*, ст.-сл. *стѣбло*), имеющая аналоги в других славянских языках: чеш. *stěblo* «стебель», словен. *steblo* «ствол дерева, стебель», болг. *стѣбло*

«ствол дерева, стембель» и др. Русское название *можжевелик* (в диалектах известно как *можжуха*, др.-рус. *можжевь* наряду с *можжеельник*) (ЭСРЯ), скорее всего, связано со словом *мозг* (из **mozgǫ*) (в говорах известно название *можжуха*) (ЛАРНГ) по наличию в нем крепкой древесины, а также с лит. *māzgas* «узел», поэтому исходное значение – «крепкое, узловатое дерево». Общеслав. *дуб* (в древнерусском обозначавшее не только «дуб», но «дерево вообще») (Срезн.) известно во многих славянских языках: чеш. и словац. *dub*, болг. *дѣб*, с.-х. *дѹб* и т.д. Вопреки мнению Бернекера и Покорного, считавших, что основой данного наименования послужил темный цвет сердцевины дерева (или мореного дуба, т.е. пролежавшего долгое время в воде и потому потемневшего), и связывавших его с древним корнем **dheu-/*dhou-* «темный», Шанский, считая его табуистическим названием славян, связывает со словом *дупло*, болг. *дупка* «дыра, нора, яма» того же корня, что и нем. *tief* «глубокий» (КЭСРЯ). В таком случае *дуб* первоначально означал «дерево с дуплами» (названное по кряжистому, дуплистому его характеру) или «низинное дерево» (по излюбленным местам произрастания) (ЭССЯ).

Напротив, *крушина* названа так по хрупкости древесины этого дерева, на словообразовательном уровне соотносится с глаголами *крушить*, *крошить* общеславянского характера (ср. пол. *kruchkie drzewo* «хрупкое дерево») (КЭСРЯ). Того же корня и с аналогичной мотивемой и др.-рус. *круша* «груша» (Срезн.), а также болг. *круша*, с.-х. *крушка*, в звонком варианте получившая форму *груша* (ср. диал. *грукать* «мять, раздроблять») (Даль), укр. и бел. *груша*, чеш. *hrušeň*, пол. *grusza*. Дерево названо по «крупяному» характеру мякоти его плодов (КЭСРЯ). К этому же этимологическому гнезду относится и слово *крупа* (родственное *крушить*).

Одной из частотных мотивем является и цвет растения, его плодов, коры деревьев. Такие деревья, как *береза*, *ольха*, *сосна*, *черемуха*, *рябина*, *слива*, получили свои наименования по характерному цвету их коры или плодов. Как «дерево с белой корой» этимологизируется общеславянское название *береза* (чеш. *bříza*, пол. *brzoza*, болг. *бреза*, с.-х. *брѣза* и т.д.), имеющее индоевропейский характер и восходящее к **bher-* «светлый, ясный». Это дерево, в свою очередь, послужило основой названия месяца апреля (в некоторых языках – марта): ст.-сл. *брѣзьнь* «апрель» (СС), др.-рус. *березозоль* «апрель» (возможно, как сложение *береза* и *зеленый*) (ЭСРЯ), укр. *березень* «апрель», чеш. *březen* «март». Болгарское название вяза – *бряст*, как и его русский аналог *берест* (откуда *береста*, чеш. *břest*, пол. *brzost*, обозначающее березовую кору), также мотивировано цветом коры и восходит к д.-в.-нем. *behart* «светлый» (от этого корня и общеславянское *береза*) (ИЭСРЯ). Перенесение названия с одного дерева на другое – довольно распространенное явление при номинации деревьев.

По желтому цвету коры, возможно, названа *ольха* (современная форма в русском языке – из **jelьcha*) (ЭССЯ), в говорах известная и как *ёлха*, *елоха*, *елишина*, *ольшина* (Даль), имеющая соответствия в других славянских языках: болг. *елха*, с.-х. *јѣлша*, чеш. *olše*, пол. *olcha* и т.д. Восходит к и.-е. корню **el-/*ol-* «красный, коричневый» (так как древесина ольхи светлая, краснеющая на воздухе) (ЭССЯ). Не исключено, что цвет послу-

жил основой наименования вяза в некоторых славянских языках: чеш. *jílť*, ст.-пол. *ílt*, ст.-сл. *ильмъ*, др.-рус. *илемъ*, диал. *илем*, наряду с *ильмина*, *вильма* (часто встречается в русских местных названиях). Распространено мнение, что их праформа **jьlť* восходит к **el-/*ol-* «коричневый» (ЭСРЯ), в таком случае *ольха* и *илем* «вяз» (как и *олень*) – слова одного корня с одинаковым мотиватором. Однако существует и другая трактовка мотивационной основы данного наименования: его возводят к и.-е. **uel-/*ýl-* «рвать, драть» – корню, давшему название шерсти, волны (ЭССЯ), что является также типичным для мотивации деревьев.

Внутреннюю форму общеславянского слова *сосна* (известного в восточно- и западнославянских языках) также образует цветовая характеристика. По мнению ряда ученых, слово восходит к **k'as-* «серый» и родственно др.-в.-нем. *hasan* «серый, блестящий», откуда нем. *die Haze* «заяц» (ЭСРЯ, КЭСРЯ). Названо дерево по серому цвету прямого, высокого ствола. В южнославянских языках известно другое наименование сосны – *бор* (как и др.-рус. *бор* «сосна» – от *брить*, родственного *борода*, *борона*), первичное значение которого – «хвоя» (мотиватором послужил колючий характер хвоинок), затем – «хвойное дерево» и, наконец, «хвойный лес» (в этом значении распространено в русском и других славянских языках).

Мотивом для наименования может стать и цвет плодов. Предполагают, что *черешня* (праслав. **čeršьna*, откуда чеш. *třešňě*, словац., пол. *trześnia*, макед. *чрешина*) является производным от **čerša*, восходящего к и.-е. **k(w)erās* «черный, темный» (ЭССЯ). Ярко-красная окраска плодов *рябины* (чеш. *jeřábina*, *jeřáb*, пол. *jarzębina*) послужила основой для названия этого дерева, чаще всего объясняемого как производное от **erebь* «бурый», родственного *рябой* (КЭСРЯ). Слово *калина* (чеш. и словац. *kalina*, пол. *kalina*, словен. *kalina*, болг. *калина* «калина», «гранатовое дерево», «рябина», «пион») объясняется как производное от *каль* в значении «черный», названное так по цвету его спелых ягод (ЭСРЯ, КЭСРЯ). Вместе с тем распространена и точка зрения, сближающая название этого растения с первичным значением слова *кал* – «грязь» (ср. чеш. *kal* «грязь, слякоть», с.-х. *калина* «грязь, лужа») (ЭССЯ). В таком случае мотивом для наименования послужил другой признак: излюбленное место произрастания этого кустарника, его свойство обитать в сырых, влажных местах, близости от рек, болот и т.п. (ESJČ НК).

Слива (чеш. *slíva*, пол. *śliwa*, словен. *slíva*) также названа по характерному, синему, цвету плодов (родств. лат. *livor* «синий цвет»). К лексемам с данным мотиватором можно отнести и название *черемуха* (чеш. *střemcha*, пол. *trzemcha* из праслав. **čermъxa*), если считать его производным от основы **čerm-* ← **kerm-* и родственным *червь*, *червлень* (ср. диал. *черемый* «темно-красный») (КЭСРЯ, ИЭСРЯ). В таком случае оно мотивировано темно-красным цветом спелых ягод. Другая точка зрения на признаковую основу названия этого кустарникового растения также связана со словом *червь*, но в смысле частой червивости плодов этого влаголюбивого растения (ЭССЯ) (ср. в какой-то мере похожую мотивировку нем. *Faulbaum* «черемуха» – буквально «гнилое дерево»). Наконец, можно рассматривать **kerm-* как производное от **ker-* «резать», тогда принцип наименования

этого растения отражает его запах, резкий и острый, что номинационно сближает такие разные растения, как черемуха, рябина и чеснок, лук (ЭССЯ).

Свойственную осине способность *трепетать* на ветру, *дрожать*, подобно человеку, из-за большого количества мелких, легких листочков, подчеркивают такие ее названия, как болг. *трепетлика* и словен. *trepetlika*, рус. диал. *дрожница*, *трясина* (ЛЯРНГ). В некоторых славянских языках название ели имеет иную, чем в русском языке, внешнюю и внутреннюю форму, образованную от прасл. **smьrkъ*: чеш. *smrk*, пол. *świerk*, хорв. *смрѣка* (в сербском «хвойное дерево»), болг. *смрика* «можжевельник», укр. *смерека* (СЕС). Аналогичное название *смерека* отмечается В.И.Далем в русских диалектах в значении «хвойное дерево вроде ели или сосны» (Даль). Можно предположить здесь связь с глаголом *смеркаться* «темнеть», в таком случае дерево было названо так по признаку темноты и прохлады, которую образуют густые, раскидистые ветви хвойных деревьев.

Древнее название фигового дерева и его плодов – винной ягоды – имеет в своей основе противоположный вкусовой признак: *смоква* (ст.-сл. *смoкъва*), *смоковница* (ст.-сл. *смoкъвьница*) буквально значит «вкусный плод» (ЭСРЯ). Это древнее славянское наименование известно и в современных языках не только в старой форме: болг. *смоква*, с.-х. *смѣква*, пол. *smokwa*, но и с иным словообразовательным формантом, напр. чеш. *smokvoň*.

В редких случаях растения сближаются номинационно с именами людей или обозначениями людей. Слово *дуб* пришло на смену несохранившемуся праславянскому *перкъ* с той же основой, что и имя бога грома *Перун*, т.к. это дерево связывалось в сознании древних славян с этим языческим богом (ЭССЯ) в силу того, что оно часто становилось объектом удара молнии.

Несмотря на широко распространенный когда-то тезис Х.Шустер-Шевца о звукоподражательном происхождении многих славянских и индоевропейских названий растений, по наблюдениям О.Н.Трубачева, известен только один более или менее достоверный случай образования названия дерева от звукоподражательного глагола – название *бузины*, т.е. «постулируемый семантический переход оказался уникальным» [Трубачев 1988: 213]. Рус. *бузина*, чеш. *bžina*, *bezina*, словац. *bazina*, укр. *бзина* «бузина» восходят к прасл. **bъzina*, производному от **bъzъ*/**bъza*, сохранившемуся в болг. *бъз* «бузина», макед. *боз*, с.-х. *баз* в том же значении, чеш. *bez* «бузина», «сирень», рус. диал. *буз* «кустарник, бузина красная» (СРНГ), укр. *боз* «бузина» и др. Праслав. **bъzъ* «бузина, сирень» предположительно одного происхождения со звукоподражательной основой **bъz-* (**bъzati*, **bъziti* «бегать, носиться (о скоте)») (ЭССЯ). Мотивация связана, скорее всего, с характерной особенностью этого растения, из стволов которого благодаря легкости извлечения сердцевинки получают трубочки, свирели (ЭССЯ).

Итак, названия деревьев относятся к самым древним наименованиям, сохранившимся в современных славянских языках со времени праславян-

ского единства. Они отражают фрагмент языковой картины мира древнего человека. Растительный мир, окружающий человека, представлен в его сознании в виде определенных понятий об этом мире, находящихся реализацию в языке в ряде номинантов (обозначений), актуализирующих наиболее характерные признаки номинантов (обозначаемых). Сознание человека выделяет в деревьях как явлениях растительного мира и конституирует в языке такие их общие свойства, как особенности стебля; наличие плодов; свои тактильные ощущения (наличие острых иголок, липкость, клейкость сока); особенности ствола (гибкость, твердость, крепость, дуплистость, хрупкость); характерный окрас плодов, древесины, коры деревьев; типичное место произрастания; какие-либо особенности существования растения (например, свойство трепетать на ветру или закрывать широкими листьями, образуя тень) и др. Имена деревьев имеют и коннотативный аспект значения, выражают оценку человеком обозначаемого «кусочка действительности», в данном случае явлений растительного мира: осуждение, симпатию, страх, веру в «защитные» свойства.

ЛИТЕРАТУРА

- Манакин 2004 – *Манакин В.Н.* Сопоставительная лексикология. Киев, 2004.
- Откупщиков Ю.В.* Очерки по этимологии. СПб., 2001.
- Потебня 1922 – *Потебня А.А.* Мысль и язык. Изд. 4-е. Одесса, 1922.
- Трубачев 1988 – *Трубачев О.Н.* Славянская этимология и праславянская культура // Славянское языкознание. X Международный съезд славистов. М., 1988.

СЛОВАРИ

- Даль – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. М., 1978-1980.
- ИЭСРЯ – Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. В 2-х т. М., 1993.
- КЭСРЯ – Шанский Н.М., Боброва Т.А. Этимологический словарь русского языка. М., 1995.
- ЛАРНГ – Лексический атлас русских народных говоров. СПб., 2004.
- Срезн. – Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. М., 1958.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров. Под ред. Ф.П.Филина. Л.–СПб., 1965-.
- СРЯ – Словарь русского языка в 4-х т. М., 1957-1961.
- СС – Старославянский словарь (по рукописям X-XI вв.). 2-е изд. М., 1999.
- ЭСРЯ – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х т. 2-е изд. М., 1986.
- ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Под ред. О.Н.Трубачева. М., 1974-.

ESJČ HK – Holub J., Kopečný F. Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1952.

ESJČ M – Machek V. Etymologický slovník jazyka českého. 2-é vyd. Praha, 1968.